ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. Н. Моисеев

Общественная эволюция, рациональное общество

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Moiseev_1992_3.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Н.Н.Моисеев

По мере развития производительных сил, по мере усложнения общественной организации роль общественных наук в судьбах человечества непрерывно возрастает. Это особенно ярко видно на переломах истории. Обществоведение должно впитывать в себя все то богатство идей и средств анализа, которые возникают во всех сферах многогранной деятельности людей. Естествознание не только является одним из таких могучих источников знаний и методов, но оно предлагает и свой ракурс рассмотрения процессов развития.

1. О единстве естественно-научного и гуманитарного знания

Многим казалось, что разделение гуманитарных и естественно-научных знаний становится все более глубоким.

Мне кажется, что такая точка зрения ошибочна. На самом деле процесс взаимодействия различных типов знания не однозначен: наряду с неизбежным выделением дисциплин, их дифференциацией происходит и их объединение на основе столь же неизбежной миграции идей и представлений. И это прослеживается всюду, в том числе и на границе раздела естественных и гуманитарных знаний. Разумеется, нельзя говорить о синтезе обществоведения и естествознания в таком же смысле, как это имеет место в пограничных областях химии и биологии. Но "картины мира", формирующиеся в нашем сознании, при всей их неоднозначности несут в себе те общие взгляды на природу и общество, которые сформировались под воздействием обеих сфер научной мысли и не без взаимного влияния.

Я думаю, что в XX в. связь естествознания, философии и обществоведения проявлялась достаточно отчетливо. Здесь я ограничусь выделением двух направлений, которые мне представляются наиболее интересными.

Одно из них возникло во Франции и представлено Леруа, Бергсоном и Тейяр де Шарденом. Особенно ярко такой синтетический образ мышления, объединяющий гуманитарную и естественно-научную культуру, проявился у одного из последних романтиков в науке Мари Жозефа Пьера Тейяр де Шардена - палеонтолога, открывшего синантропа, философа и иезуитского священника одновременно. Его концепция сверхжизни и финального состояния ноосферы как некоего конца истории, когда произойдет слияние всех народов, Природы и Бога, оказала заметное влияние на развитие философской и естественно-научной мысли. Другое направление, вероятно еще более значительное, связано с развитием русской общественно-научной мысли.

Еще в середине прошлого столетия парадигма рационализма, представлявшего Космос как некий механизм, где человек с его иррациональностью был лишь сторонним наблюдателем, стала в России подвергаться сомнению и критике. И.Одоевскому принадлежит вещая фраза: "Рационализм нас подвел к вратам истины, но не ему будет дано их открыть". В России во второй половине XIX в. возникло умонастроение, получившее название русского космизма. Это было не философское учение и не научная школа, а именно умонастроение, согласно которому Природа и Человек со всеми его мыслями суть взаимовлияющие части единого целого.

Идеи единства разделялись людьми самых разных взглядов, убеждений, профессий. Глубокое внутреннее ощущение единства природы, включенности человека в Космос было одной из причин появления в русском естествознании и определенной ориентации мысли. Не случайно у нас возникло стремление к постановке проблем, которые мы сегодня назвали бы общесистемными. Пример тому исследования Сеченова, стремившегося изучать человека в единстве "тела, души и природы", открытие хемосинтеза Виноградским и многие другие. Появление философии всеединства Соловьева, Булгакова, Флоренского также генетически связано с этим умонастроением.

В послеоктябрьский период то единение философии и естествознания, которое было столь характерным для отечественной научной культуры, оказалось в значительной степени утерянным. Этому содействовали доктрины официального марксизма. Хотя мы можем найти в работах Маркса и Энгельса ряд высказываний о месте человека в Природе, тем не менее в марксистской теории проблема "человек и природа" практически не изучалась. Кроме того, попытка оценить происходящее в общественной сфере с позиций естественных наук, мягко говоря, не поощрялась. По этой же причине даже многие важные работы Вернадского не публиковались до самого последнего времени.

МОИСЕЕВ Никита Николаевич, академик, советник при дирекции Вычислительного Центра АН

2. Эпоха ноосферы и проблема финального состояния

Учение Вернадского о возможности перехода (подчеркну - не о переходе, а о потенциальной возможности перехода)»биосферы в состояние ноосферы, когда ееосновные процессы будут определяться разумом, мне представляется одним из важнейших вкладов науки XX в. в современную "картину мира". Это звено, которое позволяет связать развитие косной материи и общества и представить развитие нашей Вселенной - Универсума как эволюцию единой целостной системы. Благодаря сему учению возникла возможность создать общий язык для описания единого процесса самоорганизации нашего мира и получить представление об общей направленности мирового синергетического процесса.

Прежде чем объяснять это утверждение, я замечу, что в обеих концепциях ноосферы, как у Тейяр де Шардена, так и у Вернадского, существует положение, которое расходится с моим представлением о содержании мирового эволюционного процесса. Я имею в виду утверждение о возможности существования некоего финального состояния этого процесса. У Тейяра оно выражено особенно отчетливо. Он писал о сверхжизни как о слиянии человечества в некое единое общество, не разделенное национальными, классовыми и другими различиями, и последующем слиянии человечества с Природой и Богом в некую единую систему, которую он называл Универсумом.

Вернадский тоже говорил об утверждении ноосферы, такого состояния биосферы, когда Человек, сделавшийся основной геологообразующей силой планеты, примет на себя ответственность за дальнейшее развитие и природы, и общества. Процесс самоорганизации должен будет уступить место целенаправленному развитию, обеспеченному коэволюцией биосферы и общества. Правда, Вернадский говорил о таком конце эволюции значительно осторожнее Тейяр де Шардена. Кроме того, Вернадский был далек от любой формы идеализма, и финальное состояние я понимаю как начало некоего процесса планомерного развития Природы и Человека. Тем не менее у него было четкое представление о том, каким следует ожидать будущее развитие истории, и о неизбежности возникновения ноосферы: напомню одно из его последних высказываний в декабре 1944 г., что вместе с окончанием войны мы вступаем в ноосферу. Мне представляется, что Вернадский мыслил становление ноосферы как постепенную (и неизбежную) замену стихии самоорганизации планомерным развитием.

Проблема финального состояния Природы и общества всегда занимала определенное место в развитии философской мысли даже далекой от мысли религиозной.

Ноосфера Вернадского и реальный гуманизм Маркса - бесконфликтные состояния общества. И уже поэтому многое в их трактовке требует уточнения.

Мне представляется, что вопрос о финальном состоянии лежит за пределами научной мысли. Все подобные ситуации можно рассматривать как виртуальные или желаемые. Но сказать что-либо об их возможной реализации нельзя. В принципе! Для этого у нас нет и не может быть никаких надежных аргументов. Вот почему вопрос о финальных состояниях я отношу не к вопросам науки, а к вопросам веры. Не только тейяровская сверхжизнь, но и ноосфера Вернадского могут просто не состояться. Допустимо считать, что человечество однажды не справится с трудностями, которые оно встретит на пути своего развития, и исчезнет с лица Земли, как это случалось со многими биологическими видами. Поэтому я предпочитаю говорить об эпохе ноосферы, когда "стратегия человечества" может оказаться согласованной со "стратегией Природы", или, если говорить современным языком, когда человечество будет способно обеспечить коэволюцию человека и биосферы.

Вопрос о возможности вступления человечества в эту эпоху открыт. Все зависит от того, насколько оно готово к тому, чтобы найти необходимый компромисс между тенденциями кооперативности, т.е. разумной согласованности разнообразных интересов различных общественных образований, без которой невозможно обеспечить выживаемость вида homo sapiens, и индивидуализмом, национализмом, амбициями и невежеством.

3. Основные постулаты универсального эволюционизма

Та схема раскрытия мирового эволюционного процесса, которую мне удобно называть универсальным эволюционизмом, не могла бы возникнуть без реконструкции процесса возникновения и развития биосферы. Вернадский был первым, кто увидел скрытые пружиныее развития, которые носят весьма универсальный характер и действуют на всех этажах материального мира. Имея в виду основную направленность этой работы на изучение процессов общественной эволюции, я назову их Рынком и буду писать его с большой буквы. Реконструкция Вернадского прослеживает развитие биосферы от первого эмпирического обобщения: "Жизнь - космическое явление, и на Земле она возникла" - до утверждения того опытного факта, что "человечество в настоящем веке сделалось основной геологообразующей силой планеты".

В основе схемы универсального эволюционизма лежат эмпирические обобщения. По терминологии Вернадского, они означают утверждения, не противоречащие нашей практике и известным эмпирическим данным. Некоторые из них очевидны, но не являются тавтологией, а служат источником полезных интерпретаций. Вот некоторые из них:

1. Вселенная представляет собой единую саморазвивающуюся систему.

2. Все процессы, имеющие место во Вселенной, протекают при участии случайных факторов и при известной мере неопределенности.

3. Во Вселенной властвует наследственность: настоящее и будущее зависит от прошлого.

Подчеркну - не определяется прошлым, а зависит от него.

4. В мире властвуют законы - принципы отбора, которые выделяют из возможных виртуальных состояний множество допустимых. Мы имеем право считать законы физики неизменными.

5. Принципы отбора допускают существование бифуркационных состояний, из которых даже в отсут-

ствие стохастических факторов, возможен переход материального объекта в целое множество новых состояний. Это тоже эмпирический факт.

Я не буду приводить других обобщений. Многие из них, необходимые для описания наблюдаемого, не являются независимыми. Выделение минимального набора исходных факторов зависит от целей описания или исследования и является проблемой фундаментального значения. Те эмпирические обобщения, которые я привел, справедливы как для процессов, протекающих в неживой природе, так и в живом веществе и обществе. Они могут составить основу универсального языка - своеобразного эсперанто, годного для описания любых процессов, протекающих на всех уровнях организации материи, и позволяют сделать ряд заключений фундаментального характера, которые являются их следствиями.

Наконец, заметим, что одни и те же опытные факты могут приводить исследователей к разным утверждениям, и здесь существует неопределенность. Значит, "картина мира", данная исследователем, не единственная, а связана с восприятиями субъекта. По-иному и быть не может, ибо, согласно первому эмпирическому обобщению, человек является частью единой системы, для которой справедливы все ее основные свойства, в том числе и присутствие неопределенности.

Именно отсюда и возникают сложности формирования общественного сознания.

4. Некоторые следствия

Из'того факта, что мир стохастичен и в нем действуют механизмы бифуркационного типа, следует необратимость эволюции. Это утверждение не является новым эмпирическим обобщением, а имеет смысл строгой теоремы. Но оно одновременно эквивалентно утверждению о необратимости времени, которое тем самым уже тоже не является самостоятельным эмпирическим обобщением или следствием второго закона термодинамики, как его иногда трактуют.

Еще одно важнейшее следствие состоит в следующем фундаментальном утверждении: стохастика и бифуркации приводят в процессе эволюции к непрерывному росту разнообразия и сложности организационных форм материального мира. Это утверждение тоже носит характер теоремы. И что особенно важно, о*но универсально, оно справедливо как для мира косной материи, так и для живого вещества и общества.

Это следствие принятых эмпирических обобщений имеет глубокий общепознавательный смысл. Процесс самоорганизации Вселенной имеет направленный характер - идет непрерывный рост разнообразия и усложнения как всей "Суперсистемы - Вселенная", так и отдельных ее частей. Природа все время дает возможность проявиться каким-то новым формам организации материи, потенциально ею заготовленным. И все это происходит как следствие заложенных в ней возможностей, но детали самого процесса принципиально непредсказуемы.

Смысл процесса самоорганизации (т.е. эволюции) состоит не столько в совершенствовании отдельных структур, их приспособлении к изменяющимся внешним условиям, сколько в замещении менее "стабильных" более "стабильными" в данной конкретной обстановке. И среди новых форм организации появляются все более и более сложные, т.е. требующие для своего описания больших объемов информации. Рост разнообразия необходимо сопровождается и ростом сложности.

Подобный факт давно понят и осмыслен в современном дарвинизме. В марксизме также обращается внимание на последовательное развитие и усложнение организации общественных структур. Но факт направленности эволюции и общественного развития подменяется представлением о его закономерности, что совсем не одно и то же. Отсюда, на основе изучения истории Европы, происходит учение о последовательной смене формаций и идея "линейности развития", игнорирующая стихийные (чаще всего случайные) составляющие любого эволюционного процесса.

При общей направленности процесса развития, которая характеризуется ростом разнообразия всех связей, Производственных отношений и других характеристик состояния общества, говорить о какой-либо строгой закономерности нельзя, тем более не стоит пытаться делать какие-либо социальные экстраполяции. В лучшем случае можно говорить лишь о современных тенденциях, об ожидаемых (возможных или рациональных) изменениях организационных структур.

Особое место в этой схеме занимает кооперативность - объединение отдельных элементов Суперсистемы в новые системы, с новой структурой внутренних связей. В развитии живого вещества они приобретают определяющее значение наряду с внутривидовой борьбой и другими факторами, которые и составляют содержание эволюции живого мира.

Объединение элементов в системы условимся называть механизмами сборки, в результате действия которых возникают новые организационные структуры, обладающие специальными системными свойствами. И в общем случае свойства этих новых объектов невыводимы из свойств элементов системы.

Мне представляется непротиворечивым утверждение, что "алгоритмы сборки" носят характер фундаментальных законов, не менее фундаментальных, чем проблема единой теории элементарных частиц. С проблемой возникновения системных свойств тесно связана проблема редукционизма, которая интересна не только философам, но важна и физикам, и биологам, и особенно социологам, занимающимся коллективным поведением. Проблемы формирования коллективного поведения и коллективного сознания имеют тот же смысл - это изучение связи между свойствами элементов и свойствами организационных структур. В социологии подобные проблемы носят фундаментальный характер, но из-за многообразия фактов, с которыми приходится сталкиваться социологам, справиться с ними будет очень трудно без обращения к общим принципам, без выработки новой парадигмы.

Ключ к пониманию феномена кооперативности как важнейшего атрибута мирового эволюционного процесса лежит в понимании значения роста разнообразия различий ее элементов, повышающих стабильность системы, уменьшающих чувствительность к внешним воздействиям.

5. Основные перестройки планетарного вещества

Вместе с появлением новых форм организации возникают и новые принципы отбора, не зачеркивающие, однако, тех, которые определяли ранее развитие материального мира. Так, например, ничто живое не способно нарушить законы физики или химии.

Среди непрерывно происходящих бифуркаций в эволюции живого мира две имеют для нас особое значение. Это возникновение живого вещества и разума.

Можно очено по-разному трактовать понятие "живое вещество". И в настоящее время не существует удовлетворительного определения понятия "жизнь". Удивительное состоит в том, что на основании принципа Кюри-Пастера мы всегда можем отличить неживое от живого или продуктов его жизнедеятельности по способности живого поляризовать свет (свойство хиральности: любое живое вещество может состоять только из молекул, обладающих одним и тем же типом симметрии). На этом основании мы имеем право утверждать, что в ближайшем космосе не существует живого вещества или продуктов его жизнедеятельности.

В том ракурсе, который я предлагаю для рассмотрения мирового эволюционного процесса, наиболее важным становится появление на уровне живого мира нового принципа отбора: любое живое стремится сохранить свой гомеостазис. Для этого оно имеет определенные средства оценки окружающей среды и собственного состояния (органы чувств, центральная нервная система и т.д.). Кроме того, любое живое существо противится воздействиям, которые могут нарушить его стабильность. Иными словами, любой живой организм, любая живая система обладают информационной системой и способны формировать петли отрицательной обратной связи. Отсюда следует результат, имеющий важнейшее значение для понимания того, что происходит на планете.

Живое вещество биосферы, как это было понято Вернадским, представляет собой единую систему различных организмов и надорганизменных образований. В силу этого оно также обладает способностью формировать петли обратной связи и поддерживать в известных пределах свою стабильность, являясь регулятором биосферы, способным держать ее параметры в пределах, допускаемых гомеостазисом биоты как единой системы.

Земная жизнь, вероятнее всего, зародилась на самой Земле. И произошло это на самых ранних этапах ее истории. Во всяком случае, не позднее чем через 600 млн. лет после формирования самого небесного тела на Земле уже существовала развитая биосфера. Позднее для возникновения жизни на земной поверхности условий, вероятно, уже не было. И поэтому в современных обстоятельствах справедлив принцип Пастера-Редди: "Все живое только от живого".

Сначала, по-видимому, петли обратной связи формировались живым веществом на основе сохранения индивида, а затем и надорганизменных образований.

В истории информационной эволюции биосферы и Космоса особую роль играет становление разума. Это тоже бифуркация, а не спокойное дарвиновское развитие. В самом деле, нейроны сами по себе практически одни и те же у всех живых существ, обладающих мозгом. Однако, и это экспериментальный факт, существовал некоторый порог сложности связей между нейронами и их количеством, после которого мы уже можем говорить об интеллекте, о разуме, о мышлении. Это случилось тогда, когда наш предок обрел дар видеть себя со стороны, когда он осознал собственное "Я", отделил его от "не-Я" и стал обладать способностью не только познавать природу, но и предвидеть ход событий, которые могли бы быть вызваны его действиями, и делать сознательный выбор, обеспечивая стабильность и собственного существования, и своей семьи, племени...

Разум человека можно интерпретировать как новый способ адаптации вида homo sapiens к условиям обитания. Такая интерпретация совершенно уместна. Факт возникновения Разума мы можем сформулировать и следующим образом: на определенном этапе развития, а следовательно, и усложнения этой Вселенной в ней начинают возникать ее составляющие, способные к познанию самой Суперсистемы и тенденции ее развития. А Человек - всего лишь один из элементов этой составляющей, с помощью которой Вселенная осуществляет потенциально присущую ей способность познавать самое себя.

Насколько далеко пойдет процесс самопознания Вселенной и какое место в нем предназначено Человеку? Насколько совершенен его разум, где пределы его способности познания? Не окажется ли эта попытка Вселенной познать самое себя с помощью разума Человека тупиковой? Эти и многие подобные вопросы остаются пока без ответа. Я думаю, что они лежат вне науки, хотя они у людей волей-неволей и возникают. Но существуют другие, более простые вопросы, ответы на которые необходимы Человеку для самосохранения, и они ему по силам. Это вопросы об общих тенденциях развития Разума, которые могут реализоваться в ближайшие десятилетия и способны существенно изменить направление научной и, прежде всего, гуманитарной мысли.

Главная из подобных проблем - это дальнейшее развитие Разума и его возможностей влиять на судьбу человечества. Я не зря написал слово "Разум" с большой буквы, ибо речь будет идти о "Коллективном Интеллекте человечества". И один из вопросов состоит в том, насколько вообще мы имеем право говорить о "Коллективном Разуме человечества"?

Говорить о нем столь же правомочно, как и о разуме отдельного человека, ибо эти феномены стали развиваться одновременно по мере возникновения и совершенствования мозга Человека. Общение, обмен информацией между индивидами и система обучения приводили не только к созданию коллективной памяти, как у стадных животных, но и к формированию коллективного интеллектуального потенциала, способного получать новые знания, недоступные отдельному индивиду, и умеющего их использовать для развития общества.

"Коллективный Разум" с самого начала стал развиваться значительно быстрее, чем разум отдельного человека. Когда морфологическое развитие человека практически прекратилось, развитие разума и его потенциальных возможностей также существенно замедлились. Но развитие "Коллективного Разума"

продолжает происходить, и тем быстрее, чем эффективнее развиваются связи между людьми. Процесс его совершенствования начинает приобретать лавинообразный характер по мере развития новых средств связи и информатики.

Мне кажется, что сейчас происходит своеобразный процесс создания некой глобальной системы, чем-то напоминающий процесс эволюции мозга человека на начальных стадиях его развития. Только роль нейронов в этой системе играют отдельные люди, обладающие современной компьютерной техникой и имеющие доступ к многочисленным банкам данных - хранилищам человеческой мудрости.

6. О некоторых особенностях антропогенеза и начальной фазы истории

Схема универсального эволюционизма дает новый взгляд и на историю антропогенеза как на ряд катастрофических перестроек, ряд последовательных бифуркаций, разделяющих периоды относительно спокойнойзволюции "дарвиновского типа". В результате катастрофических перестроек каждый раз качественно изменялся сам характер эволюции вида homo sapiens. Здесь я остановлюсь на двух, оказавших особое влияние на развитие рода человеческого и его историю. Я их назову условно мезолитической и неолитической революциями.

Первую из них можно назвать революцией весьма условно, поскольку она началась в глубине палеолита и тянулась много десятков тысяч лет. Тем не менее это была кардинальнейшая перестройка самого содержания процесса эволюции нашего биологического вида.

Развитие и усложнение техники обработки камня и кости, новые знания, открытие и использование огня - все это, сделавшись для первобытных орд основой поддерживаемого равновесия с окружающей средой, требовало нового уровня коллективной памяти. Для передачи накопленных сведений и мастерства следующим поколениям уже недоставало тех средств обучения и формирования коллективной памяти, которые были свойственны, например, стадным животным и обучению по принципу "сделай, как я". Зарождающееся общество нуждалось в сохранении умельцев и знатоков не меньше, чем в самцах, обладавших могучими бицепсами. Но эти умельцы вовсе не обладали бойцовскими качествами и отбраковывались механизмами естественного отбора.

Вот почему на этом этапе антропогенеза начала возникать система различных табу. Среди них особое место занял принцип "не убий!" Но утверждение подобных табу практически прекращало внутривидовую борьбу, а следовательно, и возможность морфологического совершенствования генотипа, - механизм естественного отбора начал уступать место отбору надорганизменному. Вперед выдвигались те племена, в которых вырабатывались более рациональные нормы поведения, если угодно - нравственности. Они обеспечивали лучшую племенную организацию, более высокое качество оружия и т.д. Отсталые племена, не сумевшие перестроиться, просто стирались с лица Земли.

. Итак, мезолитическая революция привела к ослаблению внутривидовой борьбы и перевела эволюцию человека на новый уровень. Процесс биологического совершенствования этого вида прекратился. Дальнейшая эволюция уже лежала в иной плоскости - в совершенствовании общественной организации племен.

В эпоху мезолитической революции зародилась основа нравственности и возник тот феномен, который мы называем духовной жизнью человека с разнообразием характеров восприятия окружающего мира. Формирование духовного мира - это тоже некоторый эволюционный процесс. Однако он имеет не столько биологическую, сколько информационную природу, законы развития которой почти не изучены. И на определенной ступени сложности духовный мир человека может приобрести особенности, не выводимые из биологической сущности человека. И он далеко не всегда связан непосредственно с его потребностями. Морфологически современный человек не отличается от кроманьонца, но вряд ли можно сомневаться, что духовный мир у него иной.

Вторая кардинальная перестройка произошла уже в начале неолита. Дальнейшее развитие технологии обработки камня и оружия, совершенствование методов коллективной охоты, наконец, просто увеличение количества населения, которое во многом было следствием неолитического этапа технического прогресса, впервые поставили "проблему Мальтуса". Люди научились эффективно охотиться и в полной мере использовали свои возможности и мастерство. В результате они быстро начали уничтожать стада мамонтов и крупных копытных, составлявших основу их рациона. Потребности растущего человечества перестали соответствовать ресурсным возможностям его экологической ниши. Возник глобальный экологический кризис, который с весьма небольшим сдвигом во времени охватил практически все континенты.

Человечество оказалось на грани катастрофы. Оно имело много шансов исчезнуть с лица Земли, подобно тому как исчезали любые другие популяции, нарушившие равновесие присущих им экологических ниш. Однако люди сумели преодолеть этот кризис, они изобрели сначала земледелие, а затем и скотоводство.

Появление земледелия и скотоводства создало основу для возникновения частной собственности - мощнейшего нового стимула в развитии цивилизации. Действительно, до поры до времени человек мог только обеспечить свое выживание. Для этого ему было достаточно личной собственности - топора или копья. Теперь же, обладая землей или скотом, он увидел возможности удовлетворять и иные потребности, которые у него возникали и росли по мере эксплуатации собственности. Победа неолитической революции открыла перед человечеством новые перспективы развития, а не просто расширила экологическую нишу.

Эта победа обошлась людям совсем недешево. По оценкам антропологов, население земного шара сократилось в начале неолита раз в 8, а может быть, и больше!

Мезолитическая революция тянулась, вероятно, многие десятки тысяч лет, неолитическая - несколько тысяч лет и закончилась лишь к началу голоцена. В результате первой возникли основы человеческой нравственности и практически прекратилось совершенствование генотипа homo sapiens, но жизнедеятельность человека продолжала вписываться в естественные циклы биосферы. Другими словами, он еще оставался целиком принадлежащим животному миру.

Вторая революция завершила эру "животной жизни человека". В начале голоцена он окончательно выделился из животного царства и стал все более и более активно перестраивать биосферу, учитывая свои нужды. Подчеркну - не приспосабливаться к биосфере, что было типичным для его предшествующей эволюции, а стал трансформировать биосферу, ибо появились новые возможности. Сначала это было создание агроценозов, затем человек поставил себе на службу наследство былых биосфер. А в последние десятилетия и то, что получила Земля при своем рождении как небесное тело.

Но в одном отношении человек до поры до времени оставался неизменным. Создавая и организуя свою экологическую нишу, он продолжал видеть в Природе резервуар возможностей, откуда он может черпать все, что ему нужно, в неограниченных количествах. Другими словами, "стратегия Природы" и "стратегия Человека" оставались никак не согласованными. Не понимая необходимость диалога между Природой и Человеком, мы снова оказались на пороге новой катастрофической перестройки эволюции человечества.

О возможности нового общепланетарного экологического кризиса в той или иной форме предупреждали и Мальтус, и Федоров, и, конечно, Вернадский. В настоящее время уже становится очевидным, что его проявления будут разнообразны и избежать его невозможно! Речь может идти лишь о том, как найти способы его смягчения и постепенного преодоления. Мы уже начинаем понимать, сколь необходимым, жизненно важным для нашей судьбы является то, что мы называем экологическим императивом. Приходит и понимание того,.что нам не обойтись без выработки некоторых общих принципов развития общества, которые я хотел бы назвать "стратегией человечества".

Есть много оснований считать, что общество почти подошло к некой запретной черте, одним из признаков которой является потеря стабильности ряда процессов, происходящих в Природе. Даже достаточно поверхностное изучение структуры этих неустойчивостей показывает, что грядущий кризис по своей глубине и последствиям будет сравним с тем, что имело место в эпоху неолита. Человеку придется вернуться, в некоем смысле, в то исходное состояние, в котором он пребывал до него. Конечно, речь идет не о возвращении в каменный век, но человечеству придется снова научиться вписываться в естественные циклы биосферы. Однако сам смысл термина "естественные циклы" должен стать существенно иным.

7. О понятии "философия истории"

Мне придется использовать термин "философия истории". При всей его неопределенности он включает в себя представление о побудительных причинах исторического процесса, о степени его "предначертанности", о роли и месте разнообразных"цивилизации, религий, о взаимоотношениях личности и общества, индивидуального и коллективного... Любой вариант "философии истории", т.е. совокупность попыток ответить на подобные вопросы, неизбежно очень субъективен и всегда связан с отношением автора к действительности, с его внутренними установками. Поэтому одни и те же факты могут порождать совсем разные позиции, их интерпретацию и выводы. Происхождение этих авторских установок далеко не всегда понятно, но игнорировать факт их существования мы не можем.

Тот подход к анализу процессов развития, который я называю универсальным эволюционизмом, тоже предлагает вполне определенную позицию для рассмотрения исторического процесса и обсуждения проблем "философии истории". Мне хочется думать, что в его рамках возникает достаточно общий взгляд на предмет, в ряде вопросов дополняющий уже существующие. Я стремился по возможности устранить или минимизировать субъективный элемент, хотя вряд ли мне это удалось. И виной тому - диктат реальности, его апология, невольное желание как-то оправдать нашу современность существованием неких объективных тенденций и увидеть в этом ракурсе возможность оптимистических исходов.

Один из центральных вопросов "философии истории" - цели исторического процесса и его возможное финальное состояние. Кажется, что такой вопрос может возникнуть лишь в рамках идеалистических философских систем. И даже больше - проблема цели звучит скорее не как проблема философии, а как проблема богословия. Но проблема цели имеет в действительности большое общефилософское содержание, и я бы сказал даже, что она имеет и прагматический разрез.

Отчетливо мысль о возможности конца истории и интерпретация смысла этого термина впервые были высказаны Гегелем, которому принадлежит и сам термин "конец истории".

Во второй половине XIX и начале XX в. проблема цели истории была достаточно популярной и служила предметом многочисленных дискуссий. Небезынтересны и перипетии этой дискуссии, наложившей отпечаток на течение русской мысли и формирование идей космизма. Так, например, В.Розанов в своей работе "Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М.Достоевского" с негодованием пишет о том, что большинство считает человека лишь "средством исторического процесса", и задает вопрос: настанет ли такое время, когда люди поймут, что именно человек и является целью истории? Заметим, что мысль об этом была весьма популярна в философии космизма. А в философии всеединства она приводит к противопоставлению - Богочеловек и Человекобог (В.Соловьев).

По-видимому, вопрос о конце истории и в XX в. остается одним из непрерывно тревожащих человеческую мысль. Так, например, учение Тейяр де Шардена завершает идея сверхжизни. Согласно взглядам этого мыслителя, история идет через преодоление различий между людьми и Природой. Возникнет новое финальное состояние Универсума. Оно и есть цель истории, цель эволюции и одновременно конец всего - и эволюции, и истории.

Но проблемы цели исторического процесса четко ставятся и в материалистической философии, в том числе и в марксизме. В "Немецкой идеологии" Маркс писал о коммунизме как о процессе, в результате которого утвердится финальная форма общественного устройства. Он называет ее реальным гуманизмом. Маркс прямо не говорит о конце истории, но, по существу, он рисует некоторое асимптотическое состояние общества, к которому необходимо будет идти человечество.

Заметим, что марксистское понимание реального гуманизма, так же как и сверхжизнь Тейяр де Шардена, связано с представлением о внутренней бесконфликтности общества конца истории, ибо только в этом случае и возможно, чтобы свобода каждого обеспечивала свободу всех. Тейяр де Шарден идет

дальше Маркса, ибо он говорит еще о слиянии человечества и Природы и полной ликвидации всяческих противоречий. У Маркса же еще остаются противоречия между Природой и Человеком, он ничего не говорит ни об их снятии, ни о возможности их преодоления одновременно для всего человечества.

В рамках универсального эволюционизма для понятия цели исторического процесса просто нет места. Мне кажется, что абсолютно прав был Герцен, который не верил в непрерывное восхождение к лучшему. Он полагал, что Природа индифферентна по отношению к Человеку. Она предоставляет ему возможности, но не больше! Отсюда он делает вывод о бессмысленности жертв нынешних поколений во имя грядущих благородостей. Тем более что, рассчитывая принести жертву во благо, нельзя быть убежденным в том, что она не окажется во вред. Жертвенность, которую проповедовали утописты, должна уступить место здоровому принципу - не навредить потомкам.

Как и у любого процесса самоорганизации, у исторического процесса нет цели, есть определенная направленность! Все время происходит усложнение общественной жизни, множится разнообразие ее форм, действуют механизмы адаптации структур человеческих отношений к изменяющимся условиям обитания и технологическим сдвигам. В этом смысле нельзя говорить и о сколько-нибудь строгих законах развития исторического процесса. В то же время он вовсе не является чисто стохастическим хаосом. В нем идет жесткий отбор структур, появление новых, действуют законы адаптации, общие законы типа законов сохранения и т.д. Но все это никак не связано с понятием цели.

Говорить о конце истории - истории рода человеческого - не только можно, но и нужно, однако в совсем ином контексте. Антропогенные нагрузки на биосферу уже близки к критическим. Локальные неустойчивости, с которыми мы уже сталкиваемся, могут перерасти в неустойчивость глобальную. Если биосфера потеряет стабильность, т.е. биота уже не сможет поддерживать ее характеристики в том диапазоне значений, в котором только и может существовать человек, - то это и означает "конец истории".

Люди, занимающиеся естествознанием* уже начинают понимать реальность такой опасности. Но ее преодоление выходит за рамки их компетентности - представители естественных наук могут лишь оценивать опасность и предупреждать о ней общество. А проблемы ее преодоления - это уже сфера гуманитарного знания, экономики, техники и, конечно, политики... Для того чтобы не допустить катастрофы, согласовать человеческую активность и возможности биосферы, необходимы новые формы поведения людей, их отношения к природе, друг к другу. Если угодно, императив экологический неизбежно влечет за собой императив нравственный. Знаем ли мы его? Нет. Его еще предстоит понять и открыть для общества. Однако мне кажется, что в его основе должны будут лежать принципы Нагорной Проповеди. Без них не обойтись. И хотя уже тысячи лет, как мы знаем ее содержание, только теперь мы начинаем понимать, что люди на Земле не смогут выжить, не следуя этим великим принципам. Но достаточно ли этого?

Утверждения смысла экологического и нравственного императивов в сознании ученых и политиков еще недостаточно, чтобы избежать "конца истории". Если они не утвердятся в сознании миллиардов и миллиардов жителей планеты, будущность человечества весьма проблематична. Другими словами, "конец истории" не неизбежен, но возможен. А если все это так, то возникает другой вопрос: в какой мере его предотвращение зависит от человека? Постановка подобных проблем лежит в русле традиций отечественной философской мысли, что подтверждают слова В.С.Соловьева, которыми я хочу закончить этот раздел. Он пишет, что рядом с теоретическим вопросом: что есть? - существует вопрос практический: что должно быть? То есть чего мне хотеть, что делать, во что верить, из-за чего жить.

8. "Рыночная интерпретация"

Весь процесс развития живого мира можно представить себе как процесс функционирования некоего Рынка. Все живое ему следует, изобретает новые формы организации, новые способы действий, а механизм Рынка по определенным правилам отбирает то, что наиболее соответствует "гармонии сегодняшнего дня".

Рынок в обычном смысле, т.е. инструмент распределения, - это лишь очень частный и специальный случай того Рынка, который является естественным и единственным средством сопоставления различных форм организации живого вещества и их отбраковки, основным фактором, определяющим развитие мира. Таким образом, Рынок - вовсе не изобретение человека, он - выражение общих принципов самоорганизации, которые человек не мог не использовать в развитии общества.

Что действительно открыто человеком - это закон стоимости (Рикардо). Оказалось, что одним из важнейших свойств Рынка является его способность формировать такую петлю обратной связи, которая определяет стремление цены товара к его стоимости.

Итак, весь процесс самоорганизации мы можем представить себе как функционирование грандиозного рыночного механизма с бесконечным количеством оттенков и правил отбраковки виртуальных организационных структур и путей дальнейшего развития. Любое игнорирование этого факта, любая замена действующих в Природе правил отбора означает отказ от естественного, созданного Природой же механизма самоорганизации, и тем самым такая попытка уже обречена!

На определенном этапе развития живого вещества в деятельность этого грандиозного механизма самоорганизации начинает вмешиваться Разум. Обычно механизм Рынка сохраняет и дальше свое место в биосфере, ибо никакого другого механизма развития, например типа планируемого развития, Природой не создано. Однако в характер функционирования Рынка разум человека вносит качественно новые элементы.

Рынок, действующий во всем мире живой материи, осуществлял отбор по современному состоянию претендентов на будущее развитие, по их способности адаптации к существующим внешним условиям. В крайнем случае могла быть использована и использовалась в рынке Рикардо информация о прошлом, а отбор организационных структур совершался без учета того, к каким последствиям он может привести. Особенность Разума как раз и состоит в том, что он способен предвидеть фрагменты будущего развития,

оценить некоторые из следствий отбора и возможные тенденции развития и тем самым повлиять на характер отбора, совершаемого Рынком.

Это обстоятельство расширяет возможности отбора, однако ничего не меняет по существу - сохраняется соревновательность и отбор, только более сложно организованный. Рынок остается Рынком, но с некоторым горизонтом предвидения, за которым детали развития все-таки скрыты. Горизонт предвидения не очень далек, и нельзя ожидать, что он заметно отдалится вместе с развитием науки. Непонимание этих фактов служит источником опасных идей, подобных возможности планомерного развития общества или любым идеям социальной инженерии, трагизм реализации которых мы испытали. Эволюция непредсказуема в принципе, и возможности прогноза ограниченны. Эти утверждения заставляют оценить актуальность проблем, связанных с оценкой способности человека вмешиваться в собственную судьбу и увидеть границу, отделяющую реальность от утопий.

И тем не менее значение разума человека, а тем более "Коллективного Интеллекта человечества" не следует преуменьшать. Человеку трудно предугадать ход событий, детали истории, а тем более найти оптимальный путь развития. Но Человеку дано предвидеть опасности, которые его могут ожидать в ближайшем будущем, и сформулировать некую систему запретов, позволяющую уменьшить их негативную роль. И эту потенциальную способность он обязан в максимальной степени использовать. Разум человека подобен собаке-поводырю. Она не может довести слепого до того места, куда ему нужно, но она предупреждает его о препятствиях на пути, и даже подсказывает, как их надо обойти. И наши рассуждения дают основания для того, чтобы представить себе ту рациональную схему использования потенциала "Коллективного Интеллекта", которая позволит сочетать механизмы традиционного слепого рынка и прогностические возможности Разума.

Развитие человечества складывается из активности миллионов людей, каждый из которых по-своему воспринимает мир, оценивает происходящее и в одних и тех же ситуациях принимает весьма различные решения. Такая неоднозначность и создает потенциальные возможности развития общества. Очень важно понять, что эта многогранность восприятия мира и его неоднозначность есть один из залогов устойчивости нашего общества.

Ит^ак, два человека, оказавшиеся в равных условиях, по-разному оценивая сложившуюся обстановку, действуют неодинаково, не всегда следуя только собственным интересам, которые они и понимают по-разному. Вот из этого разнообразия решений, из их иррациональности и складывается история. И тот вариант Рынка, который ею управляет. Именно Рынок, отбирающий решения, наилучшим образом отвечающие сиюминутной ситуации, и разворачивает процесс истории в ту или иную сторону.

Навязывать этому потоку определенную регламентацию - дело безнадежное и вредное. Безнадежное потому, что люди просто не будут точно выполнять всех регламентированных предначертаний, поскольку у каждого человека есть свой спектр интересов, свое суждение о том, что действительно надо делать. И это представление не совпадает с плановыми предписаниями. Никакая доктрина не может быть полностью реализована. И если властный аппарат принуждения, или тоталитарная система, сможет на некоторое время подчинить себе стихию человеческих устремлений, то тем тяжелее будет возвращение общества на путь естественного развития. Вот почему жесткое планирование и регламентация человеческой деятельности представляются опасными для общества.

Навязывание процессу общественного развития системы догм и унифицированных целей по-настоящему вредно для судеб миллионов людей. Слепое следование любым догмам чрезвычайно сужает возможности вида homo sapiens в чисто эволюционном плане, разумеется, речь идет о надорганизменных образованиях, т.е. о развитии общественной организации. Догматическая регламентация деятельности снижает личностный потенциал общества, т.е. возможность личности проявить себя. А это один из опасных источников деградации общества.

9. Общество и личность

Естественные процессы развития общественной жизни приводят не только к разнообразию общественных структур, но и цивилизаций. В.С.Степин обращает внимание на то, что их можно разделить на два класса: техногенные, с предельной эффективностью использующие любые новации, и традиционные, которые стремятся прежде всего к воспроизведению самих себя. Он наглядно демонстрирует, что такое разделение просматривается еще с античных времен, причем оба типа общества в определенные периоды своей истории могут быть вполне процветающими, стабильными, обеспечивать своим членам необходимую меру "внутреннего комфорта".

Такое разделение схематично. Тем не менее оно дает представление о существовании некой внутренней установки, присущей этносу. Вспомним, например, что не японцы осваивали лежащие у них под боком Курильские острова и Камчатку. Это был русский мужик, который пешком пришел из Европы. Он смог даже перешагнуть в Америку и от Аляски, тоже пешком, пойти до Калифорнии. А разве не удивительно, что португальцы на своих утлых лодочках-каравеллах открыли Китай, тогда как китайцы имели в ту пору и суда тысячетонного водоизмещения, и навигационные приборы. Но ни Японии, ни Китаю дороги в неизведанное были не нужны. Объяснить такое различие в цивилизационных ориентациях одними экономическими факторами невозможно. Объяснить его и с позиций этногенеза тоже весьма не просто.

Что в процессах формирования этих внутренних установок является врожденным, генетически присущим той или иной культуре, а что рождается под давлением обстоятельств, в том числе и экономических, и географических? И может ли один тип цивилизации менять свою природу, может ли этнос менять свои внутренние установки? И если да, то что из этого следует?

Ответы на подобные вопросы трудны, и тем не менее нельзя без них оценить тенденции развития. Особенно сейчас, когда во всем мире складывается совершенно новая ситуация - растут связи, происходит перестройка всей производственной сферы, надвигается глобальный экологический кризис, возникает необходимость выработки некой единой общепланетарной цивилизационной программы.

Некоторые факты последних десятилетий заставляют по-новому взглянуть даже на правомерность разделения цивилизаций на техногенные и традиционные. Более точно - те ли характеристики закладываются в их определение? Причиной тому процессы, происходящие в разных частях планеты, особенно в Тихоокеанском регионе. Такие традиционные общества, как, например, Корея или Тайвань, не говоря уже о Японии, за короткий срок вышли из глубокого средневековья на самые передовые позиции современной техногенной культуры и по внешним характеристикам превратились **в** общества техногенные. Может быть, классификация цивилизаций должна основываться не только на оценке их способности усваивать те или другие новации, но и принимать во внимание и какие-то иные их особенности.

Одной из таких характеристик являются отношения личности и общества, их место в общественном сознании. Разброс этой характеристики очень широк. На одном крайнем фланге будут те общества, в которых предельно развит принцип индивидуализма - полной свободы личности, реализации ее независимости от общества; на другом - общества, отвечающие идеалам утопистов и коммунистов, где господствуют принципы "абсолютного коллективизма", полного подчинения личности обществу, его канонам. В промежуточном положении окажутся все остальные формы. Такое линейное ранжирование также условно, поскольку взаимоотношения личности и общества очень многогранны. Их принципы глубоко запрятаны в общественном сознании и являются одной из его наиболее консервативных составляющих. Подобные установки - итог длительной истории народа. Они, конечно, также меняются со временем, но происходит это весьма медленно. Медленнее, чем развитие технологической основы цивилизации. Во всяком случае, в нынешнее время.

Если такая гипотеза верна, то она многое проясняет. Вряд ли в обществах Тихоокеанского региона произошло существенное изменение тех внутренних установок, которые были им свойственны ранее. Представление о месте личности в обществе в сознании людей не столь уж изменилось. И общества Японии или Южной Кореи продолжают оставаться малопохожими на общества европейского типа. И в то же время именно эти традиционные свойства Тихоокеанских цивилизаций оказались тем необходимым, что позволило ряду стран региона подняться на "острие" техногенной цивилизации, не превратившись в техногенные **в** общепринятом смысле слова. В этих странах были найдены организационные формы, которые весьма успешно сочетали традиционные для них особенности взаимоотношений личности и общества с требованиями современного этапа НТР.

Некоторые особенности ее современного витка весьма примечательны. Сегодня часто речь идет о массовом тиражировании прецизионных технологий, требующих технологической "сверхдисциплины". Это касается всего - и производства сверхчистых кристаллов, и сверхточной подгонки деталей, и т.д. Сейчас ситуация такова, что любые знания становятся в течение короткого времени достоянием всего мира. Но воспроизвести их удается не всем.

А **в** Японии, Корее, на Тайване традиционное подчинение старшим, преданность своей микрогруппе (фирме), уважение к труду, представление о том, что качественное выполнение порученного и есть призвание человека, оказались теми особенностями взаимоотношения личности и общества, которые в сочетании с организацией производственной деятельности и успешной научно-технической политикой явили миру удивительный феномен - неожиданный взлет "техногенной цивилизации" в явно традиционных обществах. Я не случайно взял последнее выражение в кавычки, поскольку даже бурные послевоенные десятилетия не очень уж размыли традиционные формы взаимоотношений личности и общества и его способности их воспроизводить.

10. Личностное начало и современность

Спектр взаимоотношений личность - общество, а следовательно и форм цивилизации, чрезвычайно широк. Это еще одна из особенностей того разнообразия организационных форм бытия нашего биологического вида, которое придает ему такую пластичность и способность находить выходы из "безвыходных" ситуаций. Консервативность данной составляющей общественного сознания очень важна для стабильности существования человека на Земле. В разные периоды истории при изменении условий обитания и структуры производительных сил эти особенности могут играть весьма различную роль. Отсюда и неравномерность развития этносов и отдельных регионов земного шара. Такая цивилизационная мозаичность, этот кажущийся хаос - один из залогов процветания рода человеческого.

И тем не менее изменения происходят и в них просматриваются известные тенденции. Особенно важная для нас сегодня - возрастающая роль личностного начала.

Такое утверждение почти очевидно. Весь процесс развития Разума можно рассматривать как непрерывное возрастание роли интеллектуального начала в судьбах человечества. Особое значение индивидуальное начало как массовое явление, как явление истории стало приобретать по мере все ускоряющегося развития науки, техники и технологии. На передовые позиции во всем мире выдвигаются те общества, социальная и правовая структура которых в наибольшей степени позволяет раскрыть присущие человеку творческие способности. Подобные структуры могут возникать и в техногенных обществах европейского типа, и в таких традиционных обществах, какими являются государства Тихоокеанского региона.

Значение индивидуалистического или личностного начала резко возрастает в современную эпоху экологического императива. Раскрытие творческого потенциала личности становится жизненно важным для всей популяции homo sapiens. Если экологический кризис вызван развитием производительных сил, науки и техники, то выход из него тоже немыслим без дальнейшего развития этих составляющих цивилизации. Человечеству предстоит перешагнуть в эру новых технологий, на новых принципах организовать многочисленные правила планетарного общежития. Потребуется предельное напряжение творческого гения человечества, и не только в сфере науки, техники, технологии, но и в организационной сфере, и в области социальных отношений.

В свете изложенного вырисовывается представление об особенностях того планетарного сообщества, которое можно было бы назвать рационально организованным, где удалось бы обеспечить рациональное

сочетание "иррациональности человека" с целенаправленной деятельностью людей, стремящихся сохранить общество как составляющую часть развивающейся биосферы.

Общество в обозримом будущем неизбежно сохранит свою мозаичность, палитру национальных культур, вероисповеданий и политических воззрений. Как бы ни были сильны тенденции к экономической интеграции, мир в ближайшие десятилетия останется разобщенным и полным разнообразных противоречий непредсказуемой остроты. Но это будет мир "нового индивидуализма", общество, которое будет стремиться к тому, чтобы личность могла в максимальной степени проявить свои творческие способности. Это последовательный путь развития, отвечающий общественной необходимости.

Должна проявиться и другая, противоположно направленная тенденция: обеспечение стабильности мира, его развития, реализация экологического императива. Она потребует определенного ограничения свободы личности, некоторых новых нравственных начал. Это будут ограничения, связанные со стремлением обеспечить общечеловеческие ценности. В структуре воспитания и просветительства должны возникнуть, несмотря на их национальный характер, некоторые общие черты.

Создание на планете рационального **общества** - условие, необходимое для утверждения эпохи ноосферы. Это не утопия, ибо иначе наша будущность проблематична.

11. Пути к рациональному обществу

Обсуждая подобные вопросы, я, естественно, примериваюсь к тем проблемам, которые возникают в нашем обществе. В 1917 г. мы сошли с траектории естественного развития. Мы подчинили деятельность общественного организма системе догм и ввели жесткую регламентацию любой человеческой деятельности, нарушив тем самым естественные принципы отбора. Внимательный анализ историков покажет, что в какие-то периоды система догм соответствовала внутренним установкам значительной части народа. Победа в Отечественной войне и развитие науки и промышленности в первые два послевоенных десятилетия - тому доказательства.

Но система была обречена. Существовавшие жесткие структуры управления и экономики были таковы, что интеллектуальней потенциал страны использовался в недостаточной степени. Наше отставание было предрешено. Очередной виток научно-технического прогресса и переход к прецизионным технологиям был тем необходимым внешним толчком для того, чтобы система рассыпалась, как карточный домик. Все общественное устройство, постепенно развиваясь, как и любая тоталитарная система, однажды начала ориентироваться на обеспечение благополучия управляющей элиты. Причем сиюминутного, ибо даже поверхностный анализ давал представление о том, чем все это может кончиться в нашей многонациональной стране и какой будет судьба самой элиты. Может быть, это понимали многие ее члены, но все трансформации существовавшего монолита казались возможными лишь в отдаленной перспективе.

Можем ли мы что-нибудь сказать не только о прошлом, но и о будущем? Очень немного, но все же можем.

Это путь к рациональному обществу с либеральной многоукладной экономикой, обществу, в котором люди будут жить в границах, определенных не догматами веры, принципами национальных суверенитетов, а необходимостью соизмерять свою активность с теми возможностями, которые им будет предоставлять оскудевающая планета. Это путь в известном смысле неизбежный, но вот насколько мы окажемся способными его реализовать - уже другой вопрос. Всякий отход от такого магистрального пути развития цивилизации будет чреват трудностями и бедами. Возвращаться все равно придется, но цена возвращения все время будет расти!

Мир идет к рациональному обществу, в котором при всем многоцветий культур, необходимом для обеспечения будущего, утвердится единство без национальных границ, национальных правительств и конфронтации. Это не утопия, а необходимость, без него не найти согласования "стратегии Природы" и "стратегии Человека". Уже давно такая истина высказывалась многими умнейшими представителями биологического вида homo sapiens. Сто сорок лет тому назад, 17 июля 1851 г., В.Гюго с трибуны Законодательного собрания Франции произнес вещую фразу. Он сказал, что французский народ выточил основу грандиозного здания будущего, которое когда-нибудь получит название Соединенных Штатов Европы. Он был прав, знаменитый французский писатель и вольнодумец, - мир идет к единству. Но надо суметь в него достойно войти!